

РУССКІЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ ЖЕНЩИНЫ

ПОПУЛЯРНЫЕ РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ

815
СОСТАВИЛЪ

Д. МОРДОВЦЕВЪ.

ЖЕНЩИНЫ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ
ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА К. Н. МКОТЕНКОВА.

1874

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
593021 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1932 L

Трумпалл К. Н. Плотищева. Коммунальная жизнь, д. № 28.

Настоящіе очерки не имѣютъ претензій ни на самостоятельность историческаго изслѣдованія вообще о положеніи женщины въ исторіи Русской земли, ни на специальное опредѣленіе исторической роли каждой изъ женскихъ личностей, на долю которыхъ выпало историческое безсмертіе, вслѣдствіе ли ихъ личной исторической дѣятельности, или вслѣдствіе обстоятельствъ, обусловливавшихъ то или другое проявленіе ихъ въ исторіи Русской земли.

Предлагаемая книга представляетъ ни что иное, какъ систематическое, въ самомъ сжатомъ видѣ, изложеніе, приспособленное притомъ для общедоступнаго чтенія, болѣе или менѣе общензвѣстныхъ фактовъ о русскихъ историческихъ женщинахъ, на сколько онѣ выявили свою личность, прямо или косвенно, въ исторіи Русской земли, и составленное преимущественно на основаніи извѣстныхъ уже историческихъ трудовъ почтенныхъ представителей русской исторической науки: С. М. Соловьева, Н. И. Костомарова, К. Н. Бестужева-Рюмина и другихъ.

Если нѣкоторыя историческія женскія личности являются въ нашихъ очеркахъ полнѣе, съ болѣе или менѣе явственно-очерченною, цѣльною фізіономіею, а другія только какъ историческія тѣни, какъ историческія имена, заслуживавшія историческое безсмертіе лишь по отношенію къ другимъ историческимъ именамъ,—то это потому, что объ однихъ личностяхъ есть что сказать, а о другихъ—болѣе того, что сказано, сказать нечего.

Такихъ же историческихъ женскихъ личностей, какъ напримѣръ, Іуліанія Лазаревская или Евфросинія Полоцкая и имъ подобныя, мы не касались потому, что первыя изъ нихъ суть не иное что, какъ историческіе или скорѣе литературные женскіе типы древней русской жизни, другія же вхо-

дять въ область исторіи русской церкви и русскаго духовнаго просвѣщенія.

Говоря вообще, очерки наши представляютъ сборникъ объ избранномъ нами предметѣ всего того, что сказано объ этомъ предметѣ въ десяткахъ томахъ спеціальныхъ и неспеціальныхъ историческихъ изслѣдованій, и предназначены собственно и исключительно для тѣхъ читателей, которые или поставлены были бы въ невозможность, по недостатку времени и другимъ причинамъ, или не рѣшились бы, да и не осилили бы, прочесть все то, что нами здѣсь сжато изложено, когда оно разсѣяно въ отдѣльныхъ многотомныхъ трудахъ русскихъ историковъ или въ разнообразныхъ повременныхъ изданіяхъ.

Настоящіе очерки мы заканчиваемъ началомъ XVIII-го вѣка, то есть останавливаемся на рубежѣ, отдѣляющемъ старую допетровскую Русь отъ новой.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТРАН.
I. Княгиня Ольга.	1
II. Малуша-ключница.—Рогнѣда.— Анна-болгариня.— Олова-варяжка.—Мальфреда-чехиня.—Адиль.—Пре- слава.—Ингигерда.	21
III. Княжна Сбыслава.—Княжна Измарагдъ.—Княгиня Верхуслава.—Гертруда, княгиня галицкая.—Ольга, княгиня волынская и ея пріемышъ Изяслава.—Кня- гиня Кончака-татарка.—Елена Смуличъ, служанка Анны, княгини литовской.—Александра, княгиня нижегородская.—Ульяна, княгиня вяземская. . . .	38
IV. Софья Витовтовна.	53
<u>V.</u> Марфа Борецкая, посадница новгородская	60
VI. Софья Палеологъ	81
VII. Елена Ивановна, великая княгиня литовская и ко- ролева польская	106
VIII. Соломонія Сабурова	133
IX. Елена Глинская.	139
X. Анастасія Романовна Захарыина-Кошкина. . . .	154
XI. Еще жены Грознаго—законныя и морганатическія: Марья Темрюковна-черкешенка, Марфа Васильевна Собакина, Анна Колтавская, Марья Долгорукая, Ан- на Васильчикова, Василиса Мелентьева.	165
XII. Марія Федоровна Нагихъ, послѣдняя супруга Гроз- наго.	176

XII. Ирина Годунова.	190
XIV. Жены Курбскаго: княжна Марья Юрьевна Голшанская, Александра Симашко. Титулярная королева ливонская Марья Владиміровна. — Дочери Малюты Скуратова.	201
XV. Ксенія Годунова	223
XVI. Марина Мнишекъ	236
XVII. Ксенія Ивановна Романова. Марія Хлопова . . .	263
XVIII. Царица Ирина Михайловна.	277
XIX. Царица Марья Ильинична (Милославская) . . .	292
XX. Царица Наталья Кириловна (Нарышкина). Агафья Семеновна Грушецкая. Марфа Матвѣевна Апраксина. Царевна Софья Алексѣевна. Царевна Екаторина Алексѣевна	303
XXI. Матрена Кочубей	338

I.

Изяснягния Ольга.

Первою историческою женщиною въ русской исторіи является Ольга, жена кіевскаго князя Игоря.

Дѣятельность этой женщины, сколько извѣстно изъ лѣтописныхъ сказаній, начинается тотчасъ послѣ смерти мужа, котораго звѣрски умертвили сосѣди кіевлянъ — древляне за то, что Игорь, не довольствуясь данью, платимомъ ему древлянами, грабилъ этотъ народъ и опустошалъ древлянскую землю словно волкъ, повадившійся ходить въ овечье стадо, по выраженію самихъ древлянъ.

Ольга была родомъ изъ Пскова или вообще изъ сѣверныхъ областей тогдашней русской земли, изъ которыхъ и впослѣдствіи кіевскіе князья нерѣдко брали себѣ женъ.

Ольга осталась вдовою съ малолѣтнимъ сыномъ Святославомъ, который былъ еще „дѣтескъ“ и едва ли достигъ четырехлѣтняго возраста, и потому сама должна была править русскою землею до возмужалости малютки. „Кормилищемъ“ или воспитателемъ маленькаго Святослава былъ Асмудъ, а воеводою Свенельдъ, еще при жизни Игоря прославившійся тѣмъ, что отроки его были богаче „оружіемъ и платьемъ“, чѣмъ дружинники скупнаго Игоря, жаловавшіеся, что они „босы“ и „наги“.

Въ то время кровавая месть была еще въ полной силѣ, какъ
Д. Мордовцевъ.

обычай, освященный временем и вѣрованіями, какъ дѣло родовой чести и, наконецъ, какъ законъ, строго исполнявшійся во всей странѣ. Даже много лѣтъ спустя послѣ Ольги, внучѣ ея, первый русскій законодатель, Ярославъ Владиміровичъ, устанавливая писанный законъ для русской земли подъ названіемъ „Русской Правды“, первую статью этого закона постановилъ родовую месть: „если убьютъ мужъ мужа, то мстить брату за брата, либо сыну за отца, либо отецъ за сына, либо племянникъ за дядю“, и т. д. Какъ всякая женщина, всегда и вездѣ наиболѣе строгая, чѣмъ мужчина, блюстительница обычая старины, и какъ жена, оставшаяся молодою вдовою съ малюткою-сыномъ, Ольга первую свою обязанностью сочла исполненіе прямой, лежащей на ней обязанности — мести убійцамъ своего мужа. И она исполнила это дѣло съ рѣдкой женской находчивостью и даже изысканностью. Этого требовало не одно ея женское чувство, не одно приличіе, наконецъ не жестокость времени или ея личная мстительность, но законъ страны, точное исполненіе котораго должно было возвысить ее и въ собственномъ мнѣніи, и во мнѣніи народа, и наконецъ во мнѣніи самихъ враговъ.

Случай къ мести не замедлилъ представиться. Древляне, по убіеніи Игоря, такъ рассуждали: „Вотъ мы убили русского князя. Теперь возьмемъ его жену Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его Святославомъ что хотимъ, то и сдѣлаемъ“.

Признавъ такое дѣло возможнымъ и полезнымъ для себя, древлянская земля отправила пословъ своихъ къ Ольгѣ, выбравъ для этого посольства двадцать лучшихъ мужей. Такъ какъ древлянская земля, лежавшая на сѣверо-западъ отъ земли кievской, на которой сидѣли кievскіе поляне, перерѣзывалась рѣкою Ушью, впадающею въ Днѣпръ на нѣсколько десятковъ верстъ выше Кіева, и такъ какъ въ то время, при немнѣніи и трудности су-

хопутныхъ проѣздовъ, особенно при существованіи тогда, почти повсемѣстно, дремучихъ лѣсовъ, преимущественно по правой же сторонѣ Днѣпра, всего удобнѣе было сообщеніе по рѣкамъ на судахъ,—то древлянскіе послы и отправлены были въ Кіевъ водою, въ лодѣхъ.

Когда Ольга узнала о прибытіи пословъ, то позвала ихъ къ себѣ и спросила—зачѣмъ они пришли?

Послы отвѣчали:

— Насъ послала древлянская земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ какъ волкъ, наши же князья добры суть—распасли деревьску землю: отчего бы тебѣ не пойти замужъ за нашего князя Мала?

— Люба мнѣ рѣчь ваша, отвѣчала притворно Ольга: — вѣдь ужъ мужа мнѣ своего не воскресить! Но мнѣ хочется почтить васъ завтра передъ моими людьми: такъ ступайте вы теперь назадъ въ свою лодью и разлягтесь тамъ съ важностью. А какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, не идемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ лодѣхъ. Они и понесутъ васъ.

Древляне, ничего не подозрѣвая, ушли къ своей лодѣхъ, а Ольга тотчасъ велѣла копать глубокую и просторную яму на загородномъ тюремномъ дворѣ. На утро она послала за древлянами.

— Ольга зоветъ васъ на великую честь, говорили посланцы Ольги по ея приказанію.

— Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ, и не идемъ пѣшкомъ—несите насъ въ лодѣхъ! отвѣчали древлянскіе гости.

— Мы люди невольные, говорили кіевляне по наущенію Ольги:—нашъ князь убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя.

И кіевляне понесли древлянъ въ лодѣ. Древляне же, говорить лѣтописецъ, сидя въ лодѣ, ломались и важили — „сѣдяху въ перебоѣхъ, въ великихъ сустугахъ, гордящеся“.

Когда древляне вмѣстѣ съ лодьею принесены были на тюремный дворъ, то, по приказу Ольги, брошены въ вырытую для нихъ яму, какъ сидѣли, съ лодьею. Ольга подошла къ ямѣ, нагнулась и спросила древлянъ:

— Довольны ли они честью?

— Охъ, лютеѣ наша смерть смерти Игоровой! отвѣчали послы: — ты умѣешь хорошо мстить.

Княгиня приказала живыми засыпать ихъ землю — и ихъ засыпали.

Но она не удовольствовалась этой мстью. Ей нужно было наказать и унижить всю древлянскую землю, поработивъ ее окончательно и искупивъ потоками крови кровь своего мужа, котораго древляне, какъ свидѣтельствуешь историкъ Левъ-Діаконъ, разодрали надвое, привязавъ между двумя деревьями. Поэтому, когда вѣсть о гибели древлянскихъ пословъ не могла еще дойти до ихъ земли, Ольга послала сказать древлянамъ: „Если въ самомъ дѣлѣ вы просите меня къ себѣ, то присылайте нарочитыхъ мужей, чтобъ прійти мнѣ къ вамъ съ великою честью, а то кіевляне пожалуй и не пустятъ меня“.

Древляне, не предвидя обмана, дѣйствительно выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ землю, и отправили въ Кіевъ это новое посольство. Ольга жестоко надругалась и надъ этими послами. По пріѣздѣ ихъ, она велѣла истопить баню, до которой были большіе охотники сѣверные обитатели русской земли, въ томъ числѣ, конечно, и древляне, какъ жители лѣсовъ, тогда какъ болѣе южные обитатели смѣялись надъ этимъ пристрастіемъ сѣверянъ къ банямъ. Послы приглашены были въ баню, по рус-

скому обычаю, сохранившемуся еще и теперь въ жизни, какъ онъ сохранился и въ сказкахъ, гдѣ гости прежде всего ведутъ „въ баньку париться“. Когда древляне вошли въ мыльню и стали мыться, то кievляне заперли за ними дверь и зажгли самую избу, въ которой послы и сгорѣли.

Но и эта мечь казалась для Ольги неполною. Женщина эта была повидимому лучше представительницею своего времени и своего народа, и потому доводила исполненіе священнаго обычая своей страны до крайней возможности, а въ отношеніи къ кровавой мести — до изысканной жестокости, чѣмъ она и прославилась въ тогдашнемъ народѣ, какъ непоколебимая исполнительница и хранительница законовъ своей страны.

Она вновь послала въ древлянскую землю и велѣла сказать: „Я уже на дорогѣ къ вамъ. Наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили моего мужа: я поплачу надъ нимъ и отправлю по немъ тризну“.

Опять—строгое исполненіе обычаявъ страны: плаканье и голосованье надъ тѣломъ или могилою дорогаго покойника, что сохраняется и теперь въ русскомъ народѣ, и отправленіе тризны на могилѣ, поминки, ѣда и питье въ честь умершаго—все это было священнымъ долгомъ, особенно въ то языческое время.

Древляне, и теперь еще не догадываясь о лукавствѣ Ольги, исполнили все, чего она требовала: навезли на мѣсто смерти Игоря много медовъ и наварили медвяпаго питья. Ольга, чтобы еще болѣе усыпить возможную бдительность и недоувѣріе древлянъ и успокоить ихъ, поѣхала въ ихъ землю съ малою дружиною. Поплакавъ надъ могилою Игоря, она велѣла своей дружинѣ насыпать высокій курганъ надъ покойникомъ, а потомъ, когда это было исполнено, велѣла отправлять тризну, пригласивъ и древлянъ. Началось празднованіе тризны — питье медовъ, которые,

надо полагать, были не простые меды, но хмѣльные, крѣпкіе. Пили собственно древляне, а Ольгины отроки служили имъ, какъ бы для большей чести.

— Гдѣ же наша дружина, что мы посылали за [тобой? спрашивали древляне Ольгу.

— Она идетъ вслѣдъ за мной вмѣстѣ съ дружиною моего мужа, отвѣчала она.

Когда древляне охмѣляли, то княгиня велѣла своимъ отрокамъ, чтобъ они пили за здоровье своихъ новыхъ союзниковъ-древлянъ: это была насмѣшка надъ опьянѣвшими древлянами. Приказавъ пить за здоровье послѣднихъ, Ольга сама отошла всторону отъ мѣста тризны и приказала своей дружинѣ рубить пьяныхъ древлянъ. Началась сѣча, и въ сѣчѣ перебито ихъ пять тысячъ.

Отпраздновавъ эту кровавую тризну по мужѣ, Ольга воротилась въ Кіевъ, чтобъ доводить свою месть до конца, до крайняго предѣла возможности такъ, чтобы враги никогда не забывали этой мести. Она собрала большое войско, и на слѣдующій годъ открыла походъ на древлянскую землю подъ своимъ личномъ предводительствомъ. Съ нею былъ въ походѣ и малюта-Святославъ. Были также съ ними опытный и закаленный въ бояхъ воевода Свенельдъ, много испытавшій походовъ и битвъ еще при Игорѣ, съ нимъ вмѣстѣ и отъ его имени усмиряя и покоряя сосѣдніе народы, а равно пестунъ маленькаго князя—Асмудъ. Узнавъ о походѣ Ольги, древляне выступили противъ нея соединенными силами всей древлянской земли.

Когда непріятельскія войска сошлись, маленькій Святославъ, бывшій на конѣ въ рядахъ ратныхъ людей, первый открылъ битву: своею маленькою рученкою онъ сунулъ въ древлянина

копьемъ; но рука ребенка была безсильна—копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги....

— Князь уже началъ, сказали Свенельдъ и Асмудъ, обращаясь къ войску:—потянемъ, дружина, за княземъ!

Началась сѣча. Древляне не выдержали натиска кievлянъ и побѣжали съ поля битвы. Преслѣдуемые войскомъ Ольги, они разбѣжались по своей землѣ и затворились по городамъ: брать каждый городъ было нелегко. Тогда Ольга, взявъ сына и совокупивъ войско, пошла къ Коростену, повидимому главному городу древлянской земли и къ конечной цѣли своего продолжительнаго и упорнаго мщенія: тамъ былъ убитъ ее мужъ, тамъ она совершила по немъ кровавую тризну, тамъ должна была исполниться и мѣра ее мщенія. Но Коростень, обложенный войскомъ кievлянъ, защищался упорно. Коростенцы до послѣдней возможности отстаивали свой городъ, боясь думать о сдачѣ, потому что не надѣялись уже ни на что и не могли ждать пощады отъ Ольги, которой мужа они разорвали на части и которая, какъ они убѣдились горькимъ опытомъ, такъ жестоко и изысканно умѣла мстить. Осада Коростена продолжалась цѣлое лѣто, но городъ не сдавался. Тогда хитрая Ольга придумала новый планъ взятія города и новый видъ мести.

Она послала въ Коростень и велѣла сказать:

— Изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города уже сдались мнѣ, обязались платить дань, и теперь спокойно воздѣлываютъ свои нивы; вы одни хотите лучше умереть отъ голода, чѣмъ согласиться платить мнѣ дань.

— Мы рады бы платить дань, отвѣчали коростенцы: — но ты вѣдь хочешь мстить за мужа.

Ольга велѣла на это сказать: „Я ужъ отомстила за мужа не одинъ разъ—въ Кіевѣ и здѣсь, на тризнѣ; а теперь ужъ не

хочу больше мстить, хочу брать дань понемногу, и, помирившись съ вами, уйду прочь“.

— Чего жъ ты хочешь отъ насъ? спрашивали довѣрчивые древляне: — мы рады давать тебѣ дань и медомъ и мѣхами.

Медъ и мѣха были естественныя богатства лѣсистой древлянской земли, а потому это была подходящая съ нихъ дань.

Но Ольга отвѣчала: „Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, а потому я требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя, да по три воробья. Я не хочу налагать на васъ тяжелой дани, какъ дѣлалъ мужъ мой, а прошу съ васъ мало оттого, что вы изнемогли въ осадѣ.“

Простодушные древляне и тутъ не догадались о хитрости изобрѣтательной Ольги, а обрадовались ея снисхожденію, и, собравъ съ каждаго двора по три голубя и по три воробья, послали ихъ къ осаждающимъ и даже велѣли поклониться Ольгѣ. Ольга сказала посланцамъ: „Вы ужъ покорились мнѣ и моему ребенку, такъ и ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него и пойду къ себѣ домой“.

Древляне ушли въ городъ, который былъ еще болѣе обрадованъ принесеннымъ послами извѣстіемъ о намѣреніи Ольги снять осаду и возвратиться въ Кіевъ. Но Ольга раздала голубей и воробьевъ своимъ ратнымъ людямъ и велѣла, привязавъ къ каждой птицѣ по завернутому въ тряпочки кусочку сѣры съ огнемъ, при наступленіи сумерекъ пустить ихъ на волю. Голуби и воробьи, вырвавшись изъ рукъ воиновъ, полетѣли, конечно, къ своимъ гнѣздамъ, въ городъ, и зажгли городъ со всѣхъ концовъ, какъ наивно рассказываетъ объ этомъ лѣтописецъ: „Голуби же и воробьева полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, воробьева же подъ стрѣхи (крыши, большею частью соло-

мѣны), и тако возгорахуся голубици, ово клѣти (дома), ово вѣже (чердаки), ово ли одрины“ (спальныя пристройки), и т. д.

Не было ни одного двора во всемъ Коростенѣ, гдѣ бы не загорѣлось, а гасить было некому да и невозможно, потому что загорѣлся разомъ весь деревянный и соломенный городъ. Жители въ испугѣ бѣжали изъ города, чтобъ не сгорѣть самимъ въ сплошномъ пламени, а воины Ольги ловили бѣглецовъ. Городъ былъ выжженъ и взятъ какъ беззащитный. Коростенскихъ старѣйшинъ Ольга взяла къ себѣ, а остальныхъ частью раздала дружинѣ въ рабы, по тогдашнему обычаю, какъ военные трофеи и добычу, а часть пощадила для того, чтобъ они платили дань побѣдителямъ. Тяжелую дань Ольга наложила на убійцъ своего мужа и распредѣлила ее на три части: „двѣ части дани идѣтъ Кіеву, а третья къ Ользѣ Вышеграду“. Вышгородъ, какъ пожизненное владѣніе, принадлежалъ лично Ольгѣ и былъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ ея сокровищъ—мѣховъ, меду и всего, что тогда почти исключительно составляло и царскую и частную казну, при неимѣніи того, что у насъ теперь называется деньгами.

Отпустивъ древлянамъ смерть своего мужа, Ольга не пошла, однако, къ Кіеву, какъ обѣщала послать древлянскимъ, а отправилась устанавливать порядокъ въ русской землѣ, во всѣхъ своихъ, уже тогда обширныхъ, владѣніяхъ. Русскіе князья того времени въ ноябрѣ мѣсяцѣ выходили обыкновенно съ своею дружиною „на полюдье“. Полюдье состояло въ томъ, что князья въ продолженіе всей зимы разъѣзжали по областямъ подвластныхъ имъ племенъ, и во время этихъ разъѣздовъ собирали съ своихъ подданныхъ дань, называемую „оброкомъ“, и чинили судъ и расправу. Области, по которымъ проѣзжалъ князь, продолжали въ это время его самого и всю его дружину.